

12 КРУГОГОДЬЕ 74

Я не жила в то время, но мне очень нравятся песни 30-х годов. Слышала, что песня «Прокати нас, Петруша, на тракторе» посвящена трактористу Петру Дьякову... Прошу: расскажите об этом человеке, об этой песне, и пусть ее исполнят. Мохова, г. Пржевальск, Иссык-Кульская обл.

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

ЖИЗНЬ-ПЕСНЯ

Конец двадцатых годов. Коллективизация. Бедняцкое крестьянство создает коммуны. Организовали такую коммуну и в сибирском селе Усть-Ламенка. Застрельщиками выступили коммунисты и комсомольцы. Среди них был и шестнадцатилетний Петруша Дьяков.

Усть-ламенские кулаки всячески старались вредить молодой коммуне. Они тоже создали свою организацию, назвав ее в новом духе «Товариществом по общественной обработке земли». Приобрели трактор, посадили на него батрака Николая Глоткова. Тайком от кулаков Николай встал на партийный учет в коммуну. Благодаря Глоткову и комсомольцам-коммунарам районные власти вскоре узнали, что представляет из себя это лжетоварищество. Трактор у кулаков был национализирован и передан коммуне. Глотков стал коммунаром. Он обучил работе на тракторе двух комсомольцев — Петрушу Дьякова и Павлушу Федоровского. Кулаки поклялись отомстить. Жребий пал на Петра Дьякова.

Продолжение на стр. 6.

Композитор Кабалевский... Он весь и всегда сегодняшний, сиюминутный, энергичный, импульсивный, всем интересующийся и всецело отдающий себя тем, для кого творит, кого вводит в мир музыки. И весь устремлен в будущее. Может быть, именно поэтому он постоянно обращается к молодым, к совсем юным.

Юные всегда жаждут открытий, пробы сил, их воображение одновременно безудержно и реально, их замыслы и фантастичны и достижимы. И с этой чуткой аудиторией нужно уметь говорить особым, ярким и образным языком. Песенки и детские пьесы Кабалевского окружают нас в школе, в пионерском лагере — «у реки, у речки». Этот оптимистический камертон продолжает звучать в душе молодого, а затем и зрелого человека.

Роль народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственных премий Дмитрия Борисовича Кабалевского в развитии советской музыки, а также в педагогике, в работе по эстетическому воспитанию очень схожа с ролью исследователя, увлекающего в свой поиск многих и многих людей. Музыка Каба-

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

верность юности

На седьмой
звуковой
странице
фрагмен-
тарное
отражение
творческого
пути
Дмитрия
Борисовича
Кабалевского
в записях
его
музыки,
его
бесед
со школьниками
Фото
О. Макарова
и А. Птицына

левского рождается как мгновенный и очень точный отклик на события времени. В результате создана впечатляющая летопись, где каждый этап биографии Советской страны, нашего народа находит высокий и убедительный музыкальный эквивалент.

...Звуковое кино делало в нашей стране первые свои шаги в начале 30-х годов. После «экспериментальной» киноленты «Одна» с музыкой Шостаковича появилось сразу три фильма, где музыка уже стала полноправным соавтором кинематографистов: «Веселые ребята» (Дунаевский), «Поручик Киж» (Прокофьев), «Петербургская ночь» (Кабалевский). Самое начало, и среди первооткрывателей — Дмитрий Борисович. Его музыка из фильма обрела и самостоятельную, внеэкранную жизнь, что случается далеко не всегда. В одном из лучших фильмов о героике гражданской войны — доженковском «Щорсе» — снова звучит музыка Кабалевско-го. Затем — новое сотрудничество с

Александром Довженко, работа над фильмом «Аэроград» — о тех, кто преобразует родную землю и для кого будущее начинается сегодня.

В эпоху зарождения советской оперы Кабалевскому принадлежит одно из первых и очень весомых слов: «Кола Брюньон» по мотивам повести Р. Роллана вошла в золотой фонд оперы XX века. Эхо гражданской войны — в опере Кабалевского «Никита Вершинин» (по «Бронепоезду» В. Иванова); Великой Отечественной — в опере «Семья Тараса» (по «Непокоренным» Б. Горбатова). Вечный дух созидания, красоты, весны, счастья пронизывает оперу «Сестры», оперетту «Сын клоуна».

Кабалевский стоял также и у истоков советской симфонической музыки. Окончание Московской консерватории совпало с серьезным дебютом: он сыграл свой Первый фортепианный концерт — яркое, стремительное произведение, напоенное богатством мелодий, солнечным, молодым настроением, которое будет характерно для всего его творчества. В многообразной панораме инструментальных сочинений композитора примечательны Второй и Третий фортепианные концерты, симфонии; в вокально-симфонических жанрах — монументальный «Реквием» на стихи Р. Рождественского и сочинения, обращенные к молодому поколению, — циклы пионерских песен, кантата «Песня утра, весны и мира», рапсодия на тему песни «Школьные годы»...

Поражаешься гармоничности пропорций этого грандиозного труда, редкостному сочетанию в нем композиторского порыва с аналитическим умом ученого. Дмитрий Кабалевский за роялем, за дирижерским пультом, перед микрофоном радио, телевидения и больших концертных залов, где он беседует с детьми и взрослыми. Грампластинки с записями его бесед о музыке сразу же становятся библиографической редкостью, так же как и его книги — «Прекрасное пробуждает доброе» или «Про трех китов и многое другое».

Но, поражаясь творческой активности этого человека, сразу принимаешь ее как должное: таков Кабалевский, другим он быть не может.

Наталья ЛАГИНА

...То, что было до сих пор освящено всякими «научными нормами», «учеными» людьми и старыми практиками, эти наши товарищи стахановцы опрокинули все вверх ногами, выбросили ко всем чертям, как устарелое и задерживающее наше движение вперед.

Серго ОРДЖОНИКИДЗЕ

Из речи на первом
Всесоюзном
совещании
стахановцев
1935 г.

Василий Супрун внешне вроде бы не подходит под классический тип шахтера: не кражист, тонок в кости. Однако в разговоре по-шахтерски рубит сплеча. Охотно признает, если в чем неправ, и здесь же, откинув со лба черную прядь, сузив синие глаза, снова бросается в атаку. Открытый парень. Как говорят, весь на виду.

На вопрос, должен ли быть у шахтера галант, ответил тут же, не задумываясь: «Талант—обязательно! Но, как в любом творческом деле, для таланта нужны условия!» Помолчал, подбросил уголек на ладони, добавил: «Таланты рождает время».

У горняков есть традиции. Если шахта первыполняет производственное задание, сияет над ее копром в ночи красная звезда. Рукотворные созвездия донецкого края вспыхивали одно за другим. Никита Изотов, Алексей Стаханов, Николай Мамай, Кузьма Северинов, Владимир Мурзенко... В простой, казалось бы, профессии горняка каждый из них открыл свое, новое, достигал невиданного рубежа, делал его повседневной нормой.

Горит звезда над Горловкой, над копром шахты имени Изотова. Шахта с круто падающими угольными пластами. Комбайнам здесь делать нечего. Техника одна—отбойный молоток. Тут вроде бы не до рекордов. И все же молодые горняки делом доказывают, что человеческий характер тверже угольного пласта.

Комсорт шахты Виктор Довбыш попросился в забой в январе семьдесят первого года. Дал слово выполнить личную пятилетку за три с половиной года. К осени «нарубал», как говорят шахтеры, две годовых нормы. И снова планы изменились, решил закончить свою пятилетку еще раньше.

Ему, Довбышу, и бросил вызов Василий Супрун. Несколько рекордными прыжками он догнал товарища по забою. Затем даже опередил его. Страсти накалялись. Вот-вот, казалось, Довбыш уступит первенство.

Финал их трудового поединка проходил в трудных горно-геологических условиях. Шахтеры не любят громких слов, но я не погрешу против истины, если скажу, что здесь был проявлен самый настоящий героизм. Победы добился Виктор Довбыш. Более восьми тысяч тонн коксующегося угля нарубил он за 2 года 3 месяца и 21 день. Супрун отстал ненамного. Сейчас они работают уже в счет 76-го.

Но надо знать Супруна. Горяч, а слов на ветер не бросает. Улыбнувшись, сказал мне: «Посмотрим еще, кто будет первым в десятой пятилетке!»

Крутой пласт. Пласт, уходящий вверх почти по вертикали. Не так ли стремительно подняла жизнь и Василия Супруна? От мальчишки, выпускника средней школы,—до одного из главных бойцов пятилетки...

Слова, сказанные Серго Орджоникидзе о героях первых наших пятилеток, верны и сегодня. Сыновья и внуки пошли в отцов, в дедов. Те же у них характеры, но появилось и что-то другое.

Такой же отбойный молоток в руках Супруна, что и у Стаханова, а нормы-то выросли в несколько раз!

«Таланты рождает время»,—вспомнился ответ Василия Супруна. Изменилось время, люди стали другими, иным стал круг интересов, иным подход к делу. Может быть, шахтерскому таланту Супруна помогают раскрываться стихи, которые он пишет, или недавние еще занятия спортом, где он также привык быть первым?..

Г. ЕРШОВА,
корреспондент радиостанции «Юность»
г. Горловка, Донецкая обл.

Имя героя первых пятилеток Никиты Изотова, которое носит эта шахта в Горловке, обязывает молодых горняков трудиться по-изотовски. На фото А. Лидова (слева направо), Е. Лошадкин, В. Данилов, Э. Бондарев, В. Супрун, Г. Ковальчук и И. Вербицкий.

На
второй
звуковой
странице —
рассказ Василия
Супруна, кавалера
ордена Октябрьской
Революции, челове-
ка, умеющего видеть
секрет завтрашней победы.

КРУТОЙ ПЛАСТ

ПЯТИЛЕТКА
ГОДЫ
И МИНУТЫ

ВЫ НАМ ПИСАЛИ...

Когда в 1964 году вышел в свет первый номер «Кругозора», его открывала статья, озаглавленная «Голоса нашей биографии». Там мы писали: «Воспоминания не знают немоты... И часто биографию твою прочерчивают следы голосов, следы, не оставляющие знака ни на песке, ни на камне. И пока длится биография, голоса эти все звучат. Будь то биография человека, подвига или государства. Таков закон памяти».

Но если личная память человека не в силах удержать все подробности даже его собственной биографии, то летописцем государства мира может стать лишь память коллективная. Книги, фильмы, рулоны звуковой плен-

важных борцов за свободу и социализм всех пяти континентов. Где бы ни был ваш дом, «Кругозор» призывал к его порогу сражающиеся джунгли Вьетнама и Гвинеи-Бисау, гул студенческих демонстраций США и ФРГ, накал антифашистской борьбы Чили и Португалии.

В разделе «Юноше, обдумывающему житье» мудрыми советами делились «и академик, и герой, и мореплаватель, и плотник».

Те, кто коллекционировал наш журнал, могли составить целую звуковую антологию современной поэзии: свои стихи на страницах

За последние годы наша читательская почта значительно увеличилась. И мы не можем не радоваться, когда к нам приходят письма, подобные этим: «Я педагог. И какую бы область моей работы ни взять, «Кругозор» использую всюду. Я беру из него и высказывания великих людей, и стихи, и целые разработки с музыкальными страницами» (Н. Я. Погодева, Ростовская обл.). «Очень хорошая рубрика «Юноше, обдумывающему житье». Вообще журнал всегда был деятельным участником всех событий и свершений в нашей стране» (А. Компанеев, студент, г. Омск). «Дорогой «Кругозор»! Я твой друг. Ты у меня в доме. Хочу особо поблагодарить за записи, которые сохранили голоса великих людей. А что касается музыки, то «Кругозор» — словно волшебник» (ст. лейтенант А. Никитин, г. Южно-Сахалинск).

Мы благодарны сотням читателей, пишущих нам такие письма. Они правильно поняли задачи журнала: «Кругозор» должен служить расширению кругозора людей, раз уж он взял себе это обязывающее название.

Но, к сожалению, нередко наши слушатели представляют себе журнал как некий альбом пластинок, протестуя против пояснительных текстов на музыкальных страницах, предлагая отдать весь журнал музыке, по преимуществу легкой.

Из двенадцати звуковых страниц «Кругозора» музыка отводится как минимум семь (то есть 900 из 1500 за прошедшие годы). Мы гордимся тем, что в журнале звучали голоса и музыка Шостаковича и Хренникова, Хачатуряна и Кабалевского, Орика и

Эллингтона, были воспроизведены редчайшие записи знаменитых исполнителей. Под рубрикой «Фольклорная экспедиция» и вне ее журнал опубликовал более 150 мелодий народов СССР и других стран.

Конечно, мы отдаем дань и эстраде — советской и зарубежной, мелодиям теле- и киноэкрана. За прошедшие годы в журнале помещено свыше 500 песен советских композиторов, выступило около 200 «звезд» мировой эстрады, прозвучали песни из 50 фильмов.

Но мы хотим, чтобы наши читатели понимали: «Кругозор» — это общественно-политический и литературно-музыкальный журнал, стремящийся помогать разным поколениям слушателей познавать все важное и прекрасное в окружающей жизни. Этому служат и текст, и иллюстрация, и звук. Это, повторяем, журнал, а не сборник шлягеров-однодневок. Поэтому, ожидая ваших новых писем, мы надеемся, что вы будете исходить из этого предназначения «Кругозора».

Сейчас журналу исполнилось 10 лет. Чему-то мы научились, что-то нам еще предстоит освоить. И в этом мы с вами союзники и — соавторы.

В заключение хочется процитировать еще одно письмо: «Я рабочий, мне 33 года, тебе — десять! Но мы с тобой, «Кругозор», останемся навсегда друзьями. Все эти годы ты был моим помощником» (В. Соин, г. Ворошиловград).

Вот и вам, друзья, мы хотели сказать: «Кругозор» постарается всегда быть вашим другом и помощником. Умейте его слушать!

УМЕЙТЕ СЛУШАТЬ

ки. И наш журнал — рядовой в этой армии людской памяти.

Мы хотели, чтобы собеседником каждого из вас стал весь мир. Чтобы с каждым могли беседовать лучшие люди века, те, чье слово, чья песня, чей скрипичный или фортепианный монолог скажут вам о самом сокровенном и насущном.

Мы хотели, чтобы с каждым из вас разговаривало время, чтобы поэзия подвизга говорила с вами на беспощадном языке правды.

Так пришли к вам голоса Ленина и первых строителей Советской власти, давние шумы Днепротэса и метро-стра, битвы Великой Отечественной и первая песня БАМа.

В рубрике «Коммунист — это боец» вы слышали от-

«Кругозора» читали поэты всех поколений — от Блока и Маяковского до самых молодых, только пробующих перо. В вашей квартире поднимал невидимый занавес «Театр «Кругозор», выводя на подмостки актеров с мировыми именами и талантливых дебютантов. По заказу «Кругозора» слагаются песни о людях и городах — героях войны и мира.

Трудно перечислить все, о чем рассказывал журнал за десять лет. Но если сейчас мы говорим о его звуковых страницах, то лишь затем, чтобы еще раз побеседовать с вами, друзья, о том, как их слушать.

ПОД СЕНЬЮ ЛАВРА

9 августа 1929 года в газете «Комсомольская правда» появилась корреспонденция «Огненный тракторист», в которой, в частности, говорилось: «Нет, это не преувеличение: тракторист Петр Дьяков в самом настоящем смысле слова... пылал на работе огнем энтузиазма и мученически сгорел у своего трактора».

Корреспонденция о трагической гибели молодого тракториста, товарища по комсомолу, взволновала меня, и я по горячему следу заметки в одну ночь написал большое стихотворение, начинавшееся строчками:

Колосилась в поле рожь густая,
Шевелились усики овса.
Где-то за деревней, замирая,
Девичьи звенели голоса.
Где-то с переборами тальянки
Песня угасала на ветру.

Там гулянка, но не до гулянки
Трактористу Дьякову Петру.
В этот час его не занимала
Любушка из ближнего села:
Полоса неспаханной лежала,
Молодого пахаря ждала...

Далее рассказывалось, как тракторист, напоив бензином железного коня, выезжал на ночную вахтанку, «с песенкою новой, с той, какую милая поет»:

По дорожке неровной, по тракту ли.
Все равно нам с тобой по пути,
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати!

Впервые стихотворение «Петр Дьяков» было напечатано в журнале «Трактор» в том же 1929 году. Стихи перепечатала иваново-вознесенская газета «Рабочий край». Вот тут и начинается рождение песни «Прокати нас, Петруша, на тракторе».

Среди студийцев ивановского Пролеткульта был начинающий композитор Илья Горин. Он написал музыку на весь текст стихотворения, включая строфу:

Поле, поле, что ж ты замолчало,
Жарко, что ль, от странного костра?..
На заре на утренней не стало
Комсомольца Дьякова Петра.

Ивановские студийцы сделали театрализованную постановку стихотворения с музыкой Горина. Молодежная аудитория тепло ее встретила. Вскоре песня «Прокати нас, Петруша» вышла на улицу: ее пели для души — на отдыхе, в труде.

Так «песенка» отпочковалась от стихотворения и стала жить самостоятельной жизнью.

А я все последующие двадцать семь лет и не знал, что Петр Дьяков жив. В 1956 году, прочитав в «Комсомольской правде» очерк под таким же названием, что и в 1929 году, — «Огненный тракторист», я немедленно помчался в сибирское Голышманово, где Петр Егорович Дьяков работал машинистом-дизелистом на элеваторе. Удивительно теплой и сердечной была наша встреча. В маленьком деревянном домике на окраине поселка, за весело воркующим самоваром, просидели мы с Петром Егоровичем до первых петухов...

Ветеран сельских коммун и молодой колхозник. «Огненный тракторист» 20-х годов и комбайнер 70-х. Их первая встреча произошла, когда Петр Егорович вручал Виктору Гляденцеву учрежденный в Тюменской области приз «Лучшему молодому механизатору» — приз имени Петра Дьякова. Нынешней осенью они встретились снова (этот момент и заснял фотокорреспондент «Кругозора» Алексей Лидов).

— Виктор два раза брал приз и теперь идет впереди, только опасается, что, дескать, не выдержать ему темпа: товарищи подпирают... Да, славная нынче молодежь, — говорит Петр Егорович, — несет, стало быть, нашу эстафету.

О своей молодости, о песне, поводом для которой послужил драматический случай из его биографии, рассказывает Петр Дьяков на звуковой странице; там же читатель «Кругозора» услышит и знаменитую «Прокати нас, Петруша, на тракторе». Не вошли туда, к сожалению, подробности дальнейшей его жизни — как он, вырванный врачами из лап смерти, строил Магнитку, как прошел с боями от Белоруссии до Кенигсберга, а оттуда со своей агитмашиной до самого Порт-Артура, через леса и пустыни, через Большой Хинган. Люди искали его могилу, хотели памятник поставить, а он жил, Петруша Дьяков, работал, воевал. И на целинных землях побывал — не экскурсантом: вручила ему страна за послевоенный труд на целине главную награду — орден Ленина. Впрочем, другой это уже рассказ, другая песня...

Сергей ФАТЕЕВ
Тюменская обл.

Сначала мы приехали в городишко Алкасир-ду-Сал. Покружили по узким улочкам, ткнулись в два дома к знакомым. «Да, был, — отвечали, — но в пять утра поднялся и уехал. Куда? Может, в Грандулу». В Грандуле та же история: «Часа три, как уехал».

Наш гид и водитель Мишель Жакометти обладает, кроме уникальных знаний по части португальского фольклора, еще и склонностью к философским обобщениям. «Где-то, — изрекает Мишель, — он должен находиться».

ПЕСНИ-БОРЦЫ

**аккорды
свободы**

Против такого заявления трудно что-либо возразить, и мы продолжаем поиски человека, имя которого популярно во всей Португалии. Зовут его Жозе Афонсо. Или просто Зека. Певец, композитор, поэт. Автор самых распространенных ныне в Португалии песен. О народе, о борьбе за лучшее будущее.

Зеку мы настигли в деревушке Сан-Франсиско-да-Серра. О нескольких часах, проведенных с Жозе Афонсо, я уже писал в печати, поэтому, чтобы не повторяться, расскажу о песнях Жозе.

Знаменитая «Грандула вила морена». Ее вы, конечно, слышали. А вот «Балейзао», может быть, нет. В Балейзао лет двадцать назад фашисты убили крестьянку-коммунистку Катарину Эуфемию, и Жозе Афонсо создал песню о тяжелой доле крестьян Балейзао, их мужестве.

Жозе Афонсо принадлежит к той гортке артистов, которые отдают весь «пыл души свободной» служению великим идеалам борьбы против тирании и неправопорядка, за свободу и демократию. Он строит баррикады вместе с теми, кого воспекает, и сражается вместе с ними в первых рядах.

Муза его искусства живет в убогой крестьянской хижине, спускается в шахты Алжустрела, ловит сардины на утлых парусниках рыбаков Назаре. Песни Афонсо помогали людям жить и бороться в годы фашистского засилья.

— Я сейчас очень счастлив, — говорил мне Зека. — Раньше я был просто счастлив, что принимаю участие в сражении против фашизма, сочиняя для народа песни. А сейчас я очень счастлив, потому что мы сокрушили фашизм и люди говорят мне, что по-прежнему нуждаются в моих песнях. Мои планы? Работать, как работал. Может быть, только немножко больше, чем вчера, и завтра больше, чем сегодня. Ведь когда дышится легко, тогда и петь легче.

Олег ИГНАТЬЕВ
Лисабон—Москва

Песни Ж. Афонсо и документальные записи событий 25 апреля 1974 года — на восьмой звуковой странице. Комментирует журналист А. Сериков.

На фото В. Поляковского: Ж. Афонсо и демонстрация в Лисабоне.

БРЕСТСКИЙ ХАРАКТЕР

Песенная премьера
«Кругозора»
Поет ансамбль
«Песняры»

Ты только надеждой, надеждой, ты надеждой брестской бы-ла.

Юрий ЯКОВЛЕВ

В ряду городов, которым выпала высокая честь стать символом мужества и долга, величия духа и верности Родине, Брест занимает особое место. Он первым принял удар кровопролитной войны. Первым не покорился, не выкинул белый флаг. И не будь Бреста, вероятно, труднее было бы защитникам Ленинграда и Севастополя, Сталинграда и Керчи. На Малой земле под Новороссийском и на знаменитом «пятчке» на Невской Дубровке жил и побеждал негибаемый дух Бреста.

В первый раз судьба привела меня в Брест вскоре после окончания войны. Я помню крепость разбитой и сожженной, в которой она стала в первые дни войны. Я ходил по битому кирпичу, спускался к Муховцу и снова поднимался по проспавшей травой валам. В разбитых казематах с оплавленными кирпичами до меня долетало едва уловимое эхо брестской эпопеи. Помню тогда в обломках кирпича нашли документы лейтенанта Наганова. Это была одна из первых находок.

Потом я несколько раз возвращался в Брест. Крепость приводили в порядок, расчищали завалы. Появился музей. Вырос мемориал Обгорелые, выщербленные кирпичные стены стали как бы его фрагментами. Но и сегодня они жгут сердце, от них веет войной, словно только вчера их разстреливали из орудий, бомбили, словно вчера в них направляли испепеляющие струи огнеметов.

О героях Бреста много писали. Некоторые из них живы и поныне.

Но есть два имени, которые бесконечно дороги моему сердцу. Два имени, которые я открыл для себя.

Комсомолец Алеша Новиков сражался не в самой крепости. Когда началась война, он был в пограничном наряде в нескольких десятках километров южнее Бреста. Он встретил врага на своем посту у старого дуба. И этот дуб — он, видимо, тоже брестской породы! — превратился в крепость, которую защищал Алеша.

Несколько раз фашисты предпринимали попытку переправиться через Буг в районе польской деревни Яблоской. И каждый раз путь им преграждал кинжальный огонь Алешина пулемета.

Целые сутки Алеша Новиков один сдерживал натиск итлеровцев. Дуб, за которым скрывался отважный боец, был весь испещрен пулями.

Алеша был ранен, но продолжал сражаться с гитлеровцами, пока в начале вторых суток не получил смертельное ранение.

Пораженные мужеством бойца, фашисты — они тогда еще разыгрывали благородство — перевезли раненого в монастырь святого Ануфрия и сдали на попечение монахов. Алеша умер в тот же день.

Я был на его могиле. Долго рассматривал знаменитый дуб. Он стоит как памятник мужеству. Он чем-то напоминает Брестскую крепость.

Алеша Новиков погиб на второй день войны. Я написал о нем рассказ.

Клавда Шаликова жива и поныне. И она еще сравнительно молода. Потому что в день начала войны ей, брестской школьнице, было всего 13 лет. Я написал о Клавде Шаликовой очерк «Девочка из Бреста». И в этом названии не только ее принадлежность к городу Бресту, но и ее глубокая причастность к подвигу.

В первый день войны хрупкая девочка уже выводила из боя раненого красноармейца. Она спасла его и его оружие. И связала свою жизнь с армией. Всю войну Клавда была на фронте. Была санитаркой, была связисткой. Клавда совершила несколько удивительных подвигов. Она чудом осталась жива. Но на исходе войны, прикрывая собой раненого бойца, получила тяжелейшее ранение.

Потом два года госпиталя. Потеря глаза. В другом — десять процентов зрения. Выйдя из госпиталя, Клавда отправляется по комсомольской путевке в послевоенный Львов. 23 года она работает на железной дороге радисткой. Работает до тех пор, пока позволяет зрение.

Но и теперь девочка из Бреста в строю, и теперь жив в ней брестский характер!

И когда я встречаюсь с Клавдой, Клавдией Ильиничной, и с ее сыном Колей, я думаю о Бресте, о крепости, ведущей беспримерный в истории бой, и чувствую, что этот подвиг не остался в прошлом. Он живет и бьется в сердцах людей.

Жив брестский характер.

Кто читал о Бресте, помнит имя Ивана Алексеевича Игнатьева. Вместе с товарищами по оружию 20-летний сержант Игнатьев превратил Брестский вокзал в крепость. Пятнадцать суток в тылу гитлеровских войск стояла на смерть горстка смельчаков. На звуковой странице Иван Алексеевич (фото слева), ныне начальник механического цеха объединения «Донобув», рассказывает об одном из эпизодов героической обороны. Этот рассказ лег в основу новой песни В. Баснера и М. Матусовского «Девушка из Бреста».

Фото ТАСС
и А. Хачатуряна

На сцене Театра Сатиры идут произведения русской и западной классики, драматургов стран социализма, сатирические комедии современных советских авторов. Семнадцать разных спектаклей мы показываем зрителю в нашем юбилейном сезоне. В их числе и «Клоп» Маяковского, выпущенный в новой сценической редакции.

Встречу с драматургией Маяковского я считаю самым значительным событием в истории нашего театра. В 1953 году Театр Сатиры впервые показал зрителю «Баню», через полтора года — «Клопа», а в 1957 году — «Мистерию-буфф» — «героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи», как ее определял сам поэт.

Мы многому научились у Маяковского. И прежде всего тому, чтобы искусство, бичующее отрицательные стороны жизни, пережитки прошлого, сочеталось с высокой патетикой, пафосом социального созидания. У Маяковского мы учимся ставить перед собой большие социальные задачи. Маяковский в «Клопе» и «Бане» выбирал крупные явления, по которым была сатира и была беспощадно.

Старый спектакль «Клопа» прошел у нас 780 раз. Его успех у зрителей был всегда неизменным. Почему же нам потребовалась новая сценическая редакция?

его как холуя, ради хлеба обучающего молодежь «коп-стихам, кого пеню, кого танцам, кого так... деньги занимай», было бы неправильным. И сегодня есть баяны, они подвизаются на эстраде, портят вкусы мещанскими песнями, кого-то учат, кому-то читают лекции. И это больше, чем просто способ заработать деньги, — это страсть, иначе она не была бы так заразительна для людей присыпкинского толка.

В новом спектакле мне было важно проявить в Маяковском величайшего мастера гротеска и гиперболы. В первой редакции эти черты были недостаточно выявлены.

Маяковский необычайно доверял театру, магии и волшебству театра. Он писал, что сила комедии может быть удесятрена, если режиссер размахнется здорово. Таким образом действительность выходит на сцену в его пьесах «не как растрепанная, нагишом натура», по определению Гоголя, а преобразованной волшебством театра. Маяковский писал: «Мы тоже покажем настоящую жизнь, но она в зрелище необычайнейшее театром превращена».

Он мечтал вернуть театру зрелищность, мечтал о веселой агитации со звоном, а звон, зрелищность, размах и требуют от театра всех современных средств выразительности.

**Народный артист СССР
Валентин ПЛУЧЕК:**

УЧИМСЯ У МАЯКОВСКОГО

5

В первую очередь нам важно, чтобы Маяковский был всегда в нашем репертуаре свежим и ярким. Написанная много лет назад, пьеса тем не менее звучит удивительно остро. Потому что не умерло мещанское стремление к покою в противовес естественному состоянию борьбы за новое в жизни. Потому что девиз Присыпкина: «Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть» — и сейчас имеет много поклонников, и с ними нельзя перестать сражаться ни на один час. Маяковский и по сегодняшний день наш соратник в борьбе с мещанином.

Но любой спектакль с годами стареет. Азарт первых представлений утихает, начинают вырабатываться штампы. Язык театра требует обновления выразительных средств приблизительно каждые пять лет. А мы выпустили «Клопа» почти 20 лет назад, поэтому захотели пересмотреть некоторые трактовки, заново расставить акценты, чтобы сатирические удары были направлены в наш день. Для этого два главных персонажа — Присыпкин и Баян — должны быть узнаваемы сегодняшним зрителем.

Во время гастролей в Ленинграде я увидел в Театре комедий актера Николая Пенькова и подумал, что он сумеет сыграть Присыпкина. Мне не был нужен абстрактный мещанин. Должно быть видно, что этот процесс губителен для хорошего человека, а не для уже сгнившего, тем более обидно, когда бациллой мещанства заражается рабочий парень. Присыпкин не созревшая фигура, он только начинае... жизнь. Так тема звучит еще острее.

Баян — художник «шиммского па» (его играет Андрей Миронов), на первый взгляд фигура подчиненная. Но трактовать

ТЕАТР «КРУГОЗОР»

На репетиции «Клопа» в первые дни нового сезона. Постановщик спектакля В. Н. Плучек работает с Н. Пеньковым (Присыпкин) и А. Мироновым (Баян).

Тогда же были записаны корреспондентами «Кругозора» А. Папанов, В. Васильева, Г. Менглет. Ведет звуковую страницу режиссер Театра Сатиры Маргарита Микаэлян
Фото Л. Лазарева

Ефим ДОРОШ.

В декабре 1924 года семья наша переехала в Москву, и я поступил на Курсы прикладных искусств, помнится, годичные, окончив которые поступил на Центральные курсы, где живопись преподавал Машков.

Мне представляется удачей впервые увидеть древний русский город зимой. Снегу доставало и в нашем степном Елисаветграде, где в иную зиму вдоль домов зияли прорытые в сугробах траншеи. Однако в Москве, за Преображенской заставой, где мы поселились, снег соотносился с деревянными домиками и стоявшими над их крышами легкими смолистыми дымами, с зубчатой стеной и островерхой башней монастыря, с неспешно идущими из бани краснолицыми женщинами в валенках, под которыми поскрипывало и постанывало, с оби-

мое внимание).— все они говорили нам «ты», что на юге было бы грубостью, и речь их была тем самым московским говором, которым, как я с детства знал, восторгался Пушкин, и которого я никогда прежде не слышивал, наслаждаясь которым испытывал чувство, какое испытываешь в детстве, когда в день рождения тебе надарят подарков и ты знаешь, что их никто не отберет, они навсегда твои...

Я жил среди кустарей, ремесленников, продавцов мясных, зеленных и гастрономических лавок, рабочих маленьких предприятий, которых точности ради следует называть мастеровыми. Это были люди, родившиеся по большей части в деревне и тесно с ней связанные. Они вынесли оттуда интерес к природе, трезвость суждений, приверженность к прочно сложившемуся укладу. При всем этом, пройдя городскую выучку и по-

ЗА ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЗАСТАВОЙ

Из автобиографических заметок

той рогожей дверью трактира, хлопавшей и выпускавшей наружу клубы остуженного пара, с приземистой колоколенкой и галками, срывающимися с ее шатра при первом ударе колокола, с синими, в обручах железными мерами, какими продавали антоновку и картошку, привезенные в розвальнях, с ночным костром на площади, освещавшим заиндевевые бороды приплясывавших извозчиков... И все вместе это создавало картину коренной России, знакомой по книгам Лескова, Бунина, Горького.

Владелец дома, где мы сняли квартиру, портной из волоколамских крестьян, светловолосый, слегка располневший, ходивший летом в валенках и сатиновой косоворотке и восклицавший при встречах: «Почтеньице!»; его мать, сухая, ссутулившаяся, крепкая старуха, однажды ругнувшая при мне поросенка и попросившая бога простить ей «черное» слово; его румяная и ласковая жена, за глаза называвшая мужа «хозяин», «сам» (эти подробности останавливали

лировку, они отличались живостью ума, предприимчивостью, остроловием...

Помнится, Пришвин писал, что среди этого рода людей, а не среди крестьян, не имеющих досуга, чаще всего встречаются знатоки и любители природы, охотники, рыбаки— причем на ради выгоды, а в силу охоты, то есть хобби, — которым известны «места» и приметы.

Знавал и я страстных грибников, истовых садоводов. Встречались мне охотники до разного рода поделок. Встречались рассказчики, сплетавшие быль с баснословием.

Не созная этого, я учился здесь русскому языку, приобретал вкус к старинным словам и оборотам, употреблявшимся захожим монашеским или нищенским, узнавал народное толкование явлений природы, назначение многих бытовых предметов, по преимуществу деревянных— веретен, моталок, пирожниц, бадеек, толчей, мутовок— словом,

как я теперь понимаю, проходил некую литературную выучку.

Именно тогда, лет семнадцати, я стал помышлять о литературе.

Стихи я начал писать тринадцати лет, и так как мое воображение больше всего занимали революционные события, определявшие всю тогдашнюю жизнь, а о них писал единственный известный мне в ту пору русский поэт — Демьян Бедный, то я ему, естественно, подражал.

Однако к тому времени, когда я пришел в литературный кружок при библиотеке клуба имени Шитова, помещавшегося у Преображенской заставы, я знал уже Казина и Безыменского, Есенина, вскоре узнал и Маяковского, Пастернака. Нас, писавших стихи, в кружке было пятеро или шестеро юношей, остальные, приходившие на наши собрания, особенно девушки, по большей части искали случая развлечься, провести время.

Я пишу не воспоминания, но автобиографические заметки, почему и не задаюсь целью рассказать, как много значил для юношей и девушек с Преображенской заставы клуб имени Шитова профсоюза металлистов. Замечу только, что когда мы возвращались из клуба часу в первом ночи мимо принадлежавших немцам деревянных, в стиле «модерн» особнячков с венецианскими окнами, мимо хлыстовских, не так давно срубленных домов на высоком фундаменте, чтобы нельзя было с улицы заглянуть внутрь, мы гордились некоторой своей принадлежностью к миру, где нет личной выгоды и материальные блага ограничены жестковатым словом «партаксимум», где людей объединяют самые передовые, справедливые идеи.

Еще в Одессе, помнится, я однажды попросил у библиотечарши книгу, название которой обещало научить самому главному — «Азбука коммунизма». Библиотечарша, седая дама, посмотрела на меня испуганно и с состраданием проговорила: «Ты же ничего не поймешь, мальчик!» С тех пор прошло сорок с лишним лет, ни одной строчки из того, о чем говорилось в книге, в памяти не осталось, запомнилось лишь состояние восторга, какой испытывает мальчишка,

обнаружив внутри игрушки некий механизм и убедившись в чрезвычайной простоте его устройства...

Однако с течением времени романтический образ революционера, соединивший в себе черты Улэншпигеля, Андрея Кожухова, Овода, был вытеснен из моего сознания образом деловитого человека, действующего в мире заманчиво звучащих, но не очень доступных моему тогдашнему разумению понятий — «эко-со», «синдикат», «комнезам», — образом большевика.

В литературе, сколько я помню, герой этот мне тогда еще не встречался, не случалось мне видеть его и в жизни. Моему воображению смутно рисовался суровый человек в кожаной куртке, каким в первые революционные годы многие представляли себе большевистского комиссара.

Может показаться неправдоподобным, но именно так выглядел товарищ Жильчиков, заведующий клубом имени Шито-

ва. Это был крепкий, лет под сорок, как мне теперь представляется, не столько суровый, сколько спокойный человек. Он действительно носил кожаную куртку и простые сапоги. У него было мужественно очерченное лицо, прямой, чуть вздернутый нос и светлые навывкате глаза. Голову он брил. Сдвинутая на затылок фуражка, открывавшая большой лоб, придавала его лицу некую озабоченность, да так оно, вероятно, и было.

Он никогда не возвышал голоса, был внимателен к людям, не произносил громких слов. В клубе его уважали, и он принимал это с естественностью, не позволявшей даже помыслить, будто между ним и теми, кто бывал здесь, существуют какие-либо различия.

Я не хочу, разумеется, обидеть современных заведующих клубами, среди которых, можно предположить, есть немало образованных и умных людей, но товарищ Жильчиков, рабочий-металлист, окончивший, я думаю, всего толь-

ко начальную школу, никак не соотносится сегодня с должностью заведующего клубом, причем в те годы он не был исключением. Я до сих пор представляю его себе партийным работником большого масштаба. Я понимаю, конечно, что это мое представление о нем сложилось на основе впечатлений юноши 17—18 лет. Но ведь и то верно, что никогда так беспощадно не судят о людях, как в этом возрасте.

Был еще член правления Абрамов, ткач или мастер фабрики «Декоратив-ткань», расположенной неподалеку от заставы. Он появлялся каждый вечер, маленький, румяный, с рыжей бородкой клинышком, как мне запомнилось, в папахе и перешитом из шинели толстом пиджаке.

Бывало, на лестнице он останавливал кого-нибудь из нас или подсаживался в буфете и заводил разговор о литературе. Подобно многим любителям чтения из самоучек, он ценил в писателе серьезность, положительность, однако живо отзывался на фривольность, довольно частые в книгах тех лет. Он относился к ним добродушно, со смехом, каким на деревенской свадьбе встречают обычно непристойную шутку, хотя и не упускал случая заметить, что нам на эти пустяки тратить время незачем.

Вспоминаю сейчас Жильчикова и Абрамова, я прихожу к мысли, что жизненный опыт этих и подобных им людей — среди них мне особенно памятен комиссар эсминца Иван Ларионов, с которым я встречался на Балтике в начале тридцатых годов, — стал как бы частью моего опыта.

Конечно, сказалось это не сразу, потому что наука жизни едва ли не единственная из наук, которую нельзя перенять одним лишь усилием воли.

Суть здесь не в том, чтобы брать пример, а в том, чтобы существовали люди, которые, не помышляя об этом, оставаясь естественными в любых обстоятельствах, как потом оказывается, служили примером.

Полностью «Автобиографические заметки» будут опубликованы в 1975 году в журнале «Новый мир».

Рисунок В. Семенова

ЗНАКОМСТВА

У песни есть завидное свойство: приходя к людям в разные времена, она является в новых одеждах вечно молодой.

Знакомство с ансамблем «Ориони» началось у меня с песни Гурама Бзванели «Вон на той горе», некогда очень популярной в Грузии. Она помолодела на моих глазах, стала еще ближе тем, кто слушал ее раньше. Ведь «хорошая песня не становится хуже оттого, что споешь ее дважды», гласит народная пословица.

Ансамблю «Ориони» всего три года, он не избалован ни особым вниманием прессы, ни популярностью, выпадающей

По просьбам читателей

КАК ГЛАСИТ ПОСЛОВИЦА...

на долю многих профессиональных коллективов. Быть может, он ждет своего часа. А пока «Ориони» лишь заметили. Он привлекает своей непосредственностью, какой-то юношеской вдохновенностью, скромностью. Участники ансамбля называют себя друзьями по песне.

Индивидуальность «Ориони» проявилась прежде всего в выборе репертуара. Основой для него служат образцы грузинской народной музыки. Аранжировки народных песен, сделанные молодыми грузинскими композиторами Б. Тбилели. Н. Эдилашвили, Д. Сепиашвили, отличаются бережным отношением к оригиналу, разнообразием музыкальных красок. Ансамбль ищет свежее вокальное звучание и включает в свой репертуар только ту песню, которая хорошо «ложится на его голос».

— Все приходят к песне, считают у нас в Грузии, — говорит солист ансамбля Реваз Датуашвили. — И нам хочется, чтобы в нашем репертуаре всегда была хоть

По просьбам читателей

НАЧАЛО ПУТИ

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

Уходящий год принес Сергею Захарову две победы на двух международных фестивалях эстрадной песни — «Золотой Орфей» в Болгарии и «Сопот-74» в Польше.

Начинал он артистическую деятельность в оркестре Л. О. Утесова, а продолжил в Ленинградском мюзик-холле. Хотя профессиональный опыт певца еще невелик, у него уже выработалась своя точка зрения на жанр песни, свое отношение к ней.

— Когда о певце говорят: он поет, как Георг Отс, или как Юрий Гуляев, или называют еще какое-либо популярное имя, думаю, вряд ли можно принять это за похвалу, — говорит Захаров. — Неповторимость и неповторяемость, то есть ни в чем не повторять других и себя тоже, — вот главная задача певца. «Своего» добиться сложно, нужно работать и работать. Я, напри-

мер, знаю собственные недостатки в этом смысле.

В то же время считаю, что певец может добиться успеха и найти свое «я» только в том случае, если он пройдет через какие-то этапы, когда впитает в себя все лучшее, что достигнуто до него, — не в манере исполнения, а в умении понять, «увидеть» песню. Нужно искать свои тембровые краски. Ведь любая копия, даже хорошая, всегда хуже оригинала.

Когда о певце говорят, что он поет все, думаю, это тоже не большая похвала. Певцу необходима цельность. Если репертуар широкий и разбросанный, то единство не выстроится. Хотя найти свой жанр в песне очень трудно.

Я живу в Ленинграде и работаю главным образом с ленинградскими композиторами. Но друзьями просто так не становятся, друзья — это непременно родственные души. Композиторы, песни которых я пою, вероятно, мне ближе других по мироощущению. А

одна песня, которую подхватит зал. Ведь хорошую песню поют все, не задумываясь, каков ее возраст. А если верить еще одной поговорке, «каждая хорошая песня настроена на старый мотив».

Несколько слов о названии ансамбля. «Ориони» в переводе с древнегрузинского значит «Восход». Подобно солнцу, песня порой заходит за горизонт времени, зато, взойдя, вновь светит людям. Ибо утверждают: песня не подвластна старости.

А. СИЛИКАШВИЛИ

Фото М. Датикашвили

На десятой звуковой странице слушайте в исполнении ансамбля «Ориони» песни «Вон на той горе» (Г. Бзванели), «Уральская рябинушка» (Ю. Родыгин, М. Пилипенко) и «Зов» (Д. Сепиашвили, М. Поцхизшвили)

хорошо исполнить песню можно только в том случае, если она тебе близка, если ты сам в ней как-то отпечатаешься. Из молодых ленинградцев я много работаю с Александром Морозовым. Что же касается старшего поколения, то мой любимый композитор — Василий Павлович Соловьев-Седой.

Я стараюсь выбирать репертуар разнообразно с тем, что люблю. Чувствую, что мне больше свойственна лирика, меня тянет к песням мягким, сердечным. Вообще я люблю хорошие, добрые отношения между людьми. И я хочу петь об этом.

Записала Г. МИЩЕВСКАЯ

Фото А. Маркова

На девятой звуковой странице Сергей Захаров исполняет песни

«Ты улыбаешься мне» (В. Соснов, М. Ромм) и «Мария»

(И. Стайков, Л. Дербенев).

Масьель — псевдоним. Настоящее имя испанской певицы не менее красиво, хотя и несколько длинно: Мария Анхелес Санта Мария. Родилась она в семье, тесно связанной с артистическим и музыкальным миром: отец ее был известным импресарио. Это во многом способствовало ранней привязанности Масьель к искусству. Совсем юной начинает она заниматься балетом. Потом снимается в кино. И, наконец, страстно увлекается песней.

В 1966 году Масьель впервые выступает на профессиональную эстраду. Одна за другой следуют победы — на национальном конкурсе в Лас-Пальмас, международных фестивалях «Розы» в Риме, «Барадеро» на Кубе, традиционном празднике песни в Рио-де-Жанейро. Самым значительным оказался 1968 год, когда Масьель заняла первое место на фестивале Евровидения в Лондоне.

Масьель не ограничивается исполнением лишь лирических, простых по

ГОСТИ МОСКВЫ

МУЗА
МАСЬЕЛЬ

содержанию и часто развлекательных песен, хотя именно они определяют успех у публики многих звезд зарубежной эстрады и, по мнению продюсеров, наиболее «рентабельны». Все чаще и чаще в ее репертуаре появляются песни, проникнувшие гражданским звучанием, песни, выражающие боль и протест против войны, насилия, неравенства и человеческого унижения.

В 1970 году Масьель вместе с актером Фернандо Фернан Гомесом участвует в постановке музыкально-поэтического спектакля под названием «К людям будущего — я, Бергольт Брехт», где исполняет гневные, обличающие, полные социальной иронии песни немецкого драматурга-антифашиста. Представление имело огромный успех среди молодежи и прогрессивной общественности Испании. Рассчитанный всего на месячный контракт, спектакль в течение целого года шел во

многих испанских городах. Публика открыла для себя новую Масьель. А критики не знали, как ее назвать: «драматической актрисой, умеющей великолепно петь», или «певицей, умеющей превосходно играть».

Много времени Масьель отдает гастролям. Закончив недавнее турне по СССР, она поделилась с репортером «Кругозора» мечтой... снова побывать в Москве, в «объятиях необыкновенно радужной публики».

Борис СИМОРРА

слушайте

В

номере

кругозор

12 (129) декабрь 1974
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания—1964

1. **Отзовись, Надежда!** Слово о неизвестной защитнице Бреста; новую песню В. Баснера и М. Матусовского исполняет ансамбль «Песняры».
2. **Во всем быть первым.** Рассказ Василия Супруна, шахтера из Горловки.
3. **Нам по пути!** Говорит П. Е. Дьяков-герой песни «Прокати нас, Петруша, на тракторе».
4. **Пусть будет красивой игра.** Михаил Яншин о сцене и спорте.
5. **Театр Сатиры без грима.**
6. **Вдохновлено поэзией.** «Сонет Петrarки—104» Ф. Листа.
7. **Дмитрий Кабалевский в музыке и о музыке.**
8. **Песни Жозе Афонсо** («Грандула», «Смерть вышла на улицы», «Песня юности») и документальные записи апрельского Лисабона.
9. **Поэт Сергей Захаров.**
10. **Ансамбль «Ориони».**
11. **Масьель (Испания):** «Баллада о Марии Сандерс» из цикла «Брехт — Масьель» (Г. Эйслер, К. Вайль); «Песня о песнях» (Х. Пардо).
12. **Джордж Харрисон (Англия):** «Мой повелитель», «Ожидание», «Бангладеш».

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1974 г.

На первой странице
обложки:
«Север». Из цикла
«В мире профессий».
Художник А. Борисов

Сдано в набор
29.X.1974 г.
Б 04683. Подп. к печ.
11.XI.1974 г. Формат 60×84¹/₂
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500000 экз.
Зак. 2955. Цена 1 руб.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия» и
Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865. Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

Редакционная коллегия: И. Д. КАЗАКОВА,
Л. Э. КРЕНКЕЛЬ, А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник),
В. В. МАНИОН, Н. П. СУББОТИН (главный режиссер),
Б. Л. ТИХОНЕНКО (зам. главного редактора), Г. М. ШЕРГОВА.
Технический редактор Л. Е. Петрова

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор»

С
ЧЕМ
ИДЕШЬ
К
ЛЮДЯМ?

ЮНОШЕ,
ОБДУМЫВАЮЩЕМУ
ЖИТЬЕ

Фразу, вынесенную в заголовок, Михаил Михайлович Яншин произносит без просительных интонаций. Да и не фраза это для него. Просто в рассказе большого актера о двух привязанностях его жизни, в монологе, часть которого вы услышите на четвертой звуковой странице, возникла раздумчивая пауза, и Яншин вдруг сказал: — В конце концов какая разница, в каком виде творчества и как долго ты работаешь? Надо только, когда берешься за кисть или кинокамеру, когда растушевываешь тоном морщины, когда надеваешь футболку, окрашенную в цвет твоей команды, не забывать, зачем ты

это делаешь, с чем ты выходишь к людям.

Он ставит в один доказательный ряд артиста и спортсмена. Потому что и тот и другой по высокому счету—художники, которые учат нас доброте, дают мужество, чтобы пережить неудачу, приобщают к гармонии, творимой на наших глазах. Потому что к действию, происходящему и на освещенной софитами сцене и на газоне стадиона, мы относим одно и то же слово—игра.

Народного артиста СССР Михаила Яншина можно нередко увидеть на трибуне стадиона в кругу коллег по сцене и спорту; не раз он первым поздравлял с победой любимый «Спартак»; дробь копыт на ипподромном круге напоминает ему собственную спортивную молодость (фото слева).

В. ВАХНЮК

Датского художника-карикатуриста, недавно удостоенного звания почетного члена Академии художеств СССР, знают и любят в нашей стране. «Любят нарасхват», как говорят покупатели, когда в книжных магазинах появляется плакатик с надписью «Бидструпа в продаже нет». Альбомы, издающиеся большими тиражами, исчезают моментально, а газеты и журналы, помещая его рисунки, всегда доставляют истинное удовольствие читателям.

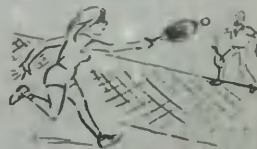
Просто поразительно, как несколькими штрихами художник умеет передать не только бытовую сценку, не только сложную ситуацию, но и характер людей, в них действующих. Вряд ли кто-нибудь, взглянув на карикатуры, сможет сказать: «Так в жизни не бывает». Наоборот, в рисунках Бидструпа сама жизнь.

Предвыборные плакаты и иллюстрации к «Декамерону», юмористические серии и альбомы путешествий по странам мира—вот размах творческого диапазона художника. Но основным для себя он считает политическую карикатуру в датской коммунистической газете «Ланд ог Фольк» в разделе «Дагенс Бидstrup» («Ежедневный Бидstrup»). Художник работает там с мая 1945 года, то есть с момента создания газеты. Не раз

БИДСТРУП УЛЫБАЕТСЯ

Рисунки
сделаны
специально
для
«Кругозора».

буржуазная пресса предлагала Бидstrupу громадные гонорары, но он остался верен коммунистическому изданию.

Над чем работает художник сейчас? Готовит к изданию альбом «Бидstrup в Латинской Америке»—итог прошлой поездки. А в альбоме «Бидstrup в 1974 году» выйдут политические карикатуры художника, изданные в других странах.

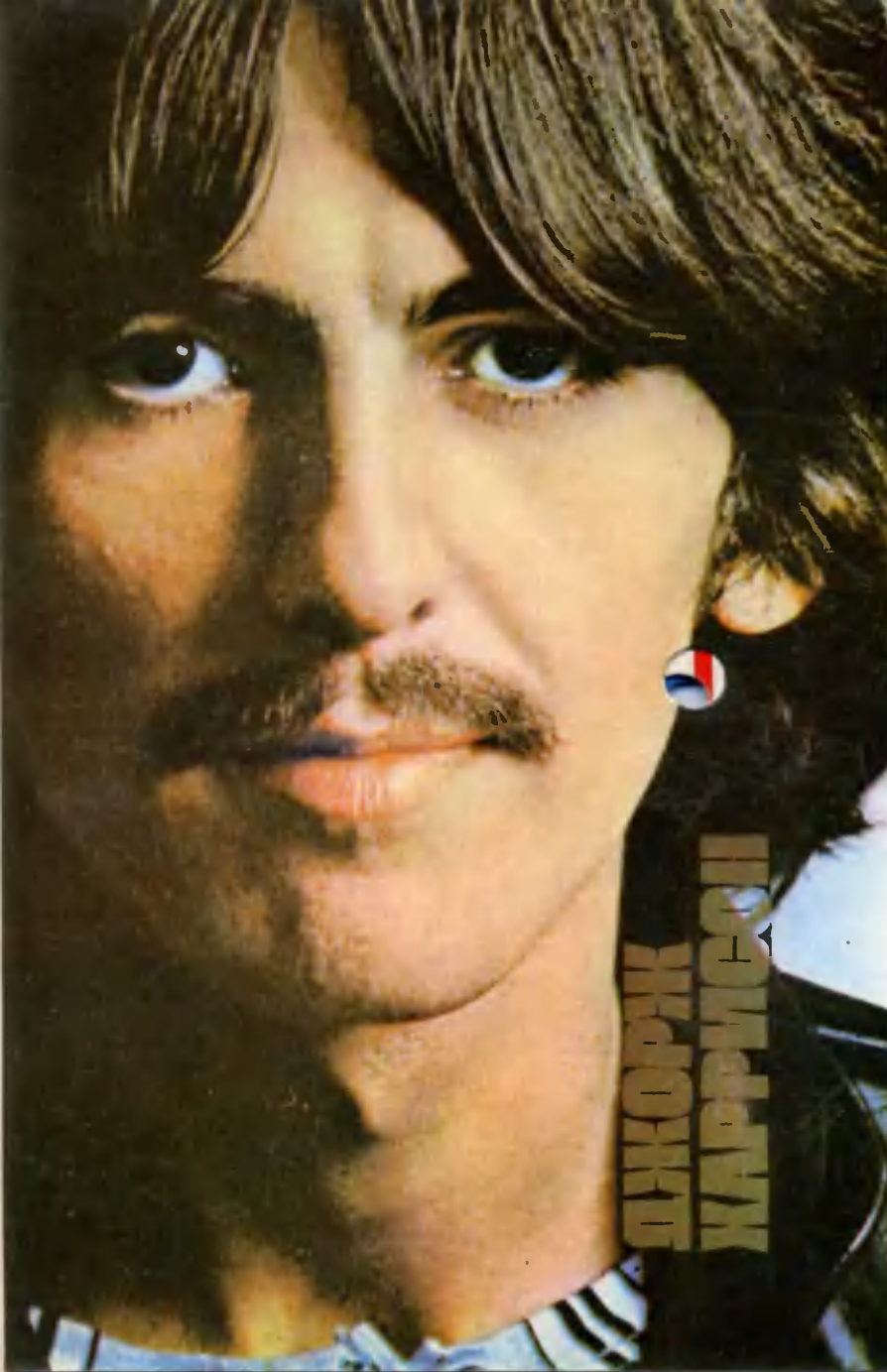
Е. ЯГОДИНЦЕВА

*Hjertelig tillykke og godt nytår
ønskes de unge læsere af Kringkøret
Mertaf Biedstrup.*

С сердечным приветом и пожеланием хорошего Нового года молодым читателям «Кругозора».

Х. Бидstrup

«Сбор — в пользу Бангладеш». Концертные афиши с такой пометкой появились в Нью-Йорке летом 1971 года. Желающие приобрести билеты нанесли осаждать кассу за трое суток до ее открытия.

Инициатор концертов в помощь молодой азиатской республике, отстаивающей право независимость, англичанин Джордж Харрисон имел за плечами 28 лет и значительный опыт публичных выступлений. Он рано начал зарабатывать на хлеб, как и все в их большой рабочей семье, отдавая вечера музыки. Вскоре после того как его земляки-ливерпульцы Леннон и Маккартни образовали ансамбль, Харрисон присоединяется к ним.

Джордж был самым молодым членом группы. Он заметно прогрессирует как гитарист и постепенно почувствовал вкус к сочинению собственных песен. В них он старается говорить о вещах глубоких и значительных, затрагивающих всех, касаясь ли они любви или политики, чисто английских проблем или расизма в ЮАР.

Его композиции часто начинаются с задумчивого настроения гитарного занава. А в 1966 году в песне «Я люблю тебя тоже» он впервые использовал индийский барабан — табла. Это было следствием его интереса к классической музыке Индии. Харрисон учился у ситариста и композитора Рави Шанкара.

Сейчас Джордж живет большей частью в Лондоне, сочиняет музыку и песни для эстрады и кино. После выхода из группы он выпустил три альбома с красноречивыми названиями «Все должно пройти», «Бангладеш» и «Жизнь в материальном мире».

Любителей эстрады волнует вопрос: встретятся ли участники ансамбля снова для совместной работы? Никто из них не отрицает такой возможности (разве что в рекламных целях), но создается впечатление, что Харрисон делает для этого чуть больше других.

В. ЗАЙЦЕВ